

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94(47).027 DOI 10.25986/IRI.2025.101.3.002

А. В. Лаушкин

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. laushkin@list.ru

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ В ВОЕННОЙ ПРАКТИКЕ РУССКИХ КНЯЗЕЙ ДОМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ

Появление в XI в. идеи «Божьего перемирия» в латинской Европе и бытование в Византии представлений о неподходящих для войны периодах времени заставляет пристальнее приглядеться к аналогичным граням военной практики ранней христианской Руси. В статье рассматривается один из аспектов темы: отношение воюющих русских князей к воскресному дню. Автор, вопреки высказывавшемуся в историографии мнению, приходит к выводу, что, хотя любая связанная с войной активность и не была запрещена в воскресные дни, князья, тем не менее, стремились не назначать на этот день сражения или штурмы городов. В этом, по мнению автора, следует видеть влияние христианства на воинскую культуру Рюриковичей.

Ключевые слова: домонгольская Русь, воинская культура, календарная практика, церковный календарь

Некоторые элементы воинской культуры христианской Руси имели выраженную календарную составляющую и увязывались с литургическими ритмами жизни Церкви. Ритуализированные выходы князей в военные походы и их торжественные возвращения после одержанных побед в большинстве случаев приурочивались, согласно сохранившимся летописным данным, к крупным праздникам минейного и троиодного циклов, к памятям почитаемых князьями святых и к воскресным дням [Лаушкин 2019; Лаушкин 2022]. Впрочем, в этих случаях речь идет лишь о внешнем церемониальном обрамлении войн (или их крупных отрезков). А как обстояло дело непосредственно с боевыми действиями?

Разумеется, в условиях интенсивной войны со стремительно менявшейся оперативной обстановкой полководец не всегда имел возможность более или менее свободного календарного планирования дальнейших шагов и чаще действовал под давлением складывавшихся обстоятельств. И тем не менее мы вправе задать вопрос: существовали ли в княжеско-дружинной среде представления о днях, благоприятных или по крайней мере подходящих для вооруженной борьбы и, напротив, о днях, для такой борьбы не подходящих или даже запретных? Отсутствие в источниках эксплицитных рассуждений на эту тему затрудняет поиск ответов на поставленные вопросы, но всё же не создает непреодолимых препятствий для такого поиска.

Как известно, в некоторых областях латинского Запада не позднее второй четверти XI в. церковными властями стали устанавливаться календарные запреты на ведение боевых действий, получившие название «Божьего перемирия». В 1095 г. они были подтверждены Клер-

монским собором, созванным папой Урбаном II. Первоначально рестрикции касались только воскресенья (с вечера субботы до утра понедельника), но постепенно стали расширяться и затронули уже несколько дней перед воскресеньем (с вечера среды), а также Рождественский и Великий посты, важнейшие праздники и некоторые торжественные периоды литургического года [История Средних веков, с. 674–679]. Канонические предписания «*Treuga Dei*» были направлены по преимуществу против внутренних раздоров знати и различных частных актов вооруженного насилия и прямо не касалась так называемых «справедливых войн» (в весьма растяжимом их понимании), которые велись внутри латинского мира и особенно за его пределами (на том же Клермонском соборе папа провозгласил такой войной I Крестовый поход против мусульман). К тому же и буква, и дух рассматриваемых установлений далеко не всегда соблюдались воюющими. К примеру, в 1202 г. участники IV Крестового похода взяли штурмом единовременный венгерский город Задар 24 ноября [Заборов, с. 243] – в воскресенье. Насколько нам известно, эта календарная грань события не вызвала тогда каких-либо критических комментариев со стороны современников, писавших о нем, включая тех, кто скептически воспринял нападение латинского воинства на латинский же город. С другой стороны, источники свидетельствуют, что среди католиков находились и люди, благочестие которых протестовало против кровопролития в значимые дни церковного года, причем даже тогда, когда вооруженное столкновение подпадало под какое-либо «законное» исключение из правил «Божьего перемирия» [Семишон; Contamine, р. 74–76; Контамин, с. 282–283, 290–291, 296–298; Булдакова, с. 57–63; Каптен, с. 36].

На христианском Востоке канонические ограничения, касающиеся времени войны, не вводились, но голос религиозного беспокойства из-за календарной неуместности тех или иных ратных событий порой также звучал. Император Роман I Лакапин устами Феодора Дафнопата еще в середине 920-х гг. указывал болгарскому царю Симеону I на противоестественность размирия в святые дни перед Пасхой, когда даже демоны «ослабляют свою непрекращающуюся войну против людей» [Théodore Daphnopatès, р. 77]. Спустя полвека император Иоанн I Цимисхий увидел в неготовности болгар к обороне следствие их ожидания того, что в пасхальные дни ромеи приостановят наступательные действия. И хотя тогда василевс не поступил так и воспользовался оплошностью «мисян», примечательно мнение последних о склонности византийцев не воевать в светлые дни Пасхи [Лев Диакон, с. 69]. Анна Комнина, описывая острый конфликт своего отца императора Алексея I со стоявшими у стен Константинополя участниками I Крестового похода в 1097 г., напоминает, что отец не хотел начинать слишком решительных действий «отчасти, чтобы не нарушать святость дней (был четверг той великой и святой недели, когда Спаситель принял за всех позорную смерть), отчасти, чтобы избежать братоубийственной бойни». По словам Анны, император предлагал католикам, если они непременно хотят вступить в бой, дожидаться следующего дня после Пасхи – понедельника Светлой седмицы. Когда же крестоносцы отказались остановить начатую атаку, Алексей приказал лучникам подвергнуть их сильному обстрелу, но так, «чтобы не убивать, а только устроить латинян множеством стрел», поскольку, повторяет Анна, он «боялся нарушить святость дня». Как бы ни развивались события на самом деле (есть подозрение, что в этом месте царица несколько путается в датах) [Анна Комнина, с. 284–286, 566, примеч. 1030], мысль о несовместимости кровопролития с самыми напряженными и страшными днями Страстной седмицы выражена ею более чем отчетливо. Во второй половине XII в. об обычае ромеев приостанавливать боевые действия перед Пасхой и в дни праздника писал и Иоанн Киннам [Иоанн Киннам, с. 174–175].

По свидетельству летописца, подобных раздумий о календаре не был чужд и современник Алексея I и Анны русский князь Владимир Мономах. Однажды он осадил Минск нака-

нуне Великого Поста (или даже в первые его дни) и был готов стоять под городом столько, сколько потребуется, – свидетельством этого явилось начатое им строительство под городом теплой «истьбы» для себя. Тем не менее он охотно согласился на предложение своего неприятеля князя Глеба Всеславича о мире, поскольку «съжали си тѣмь, оже проливашеться кровь въ д(ь)ни постѣныя Великого поста» [ПСРЛ, т. 1, стб. 290–291; т. 2, стб. 282–283]. Другими словами, хотя Мономах (добавим, – как многие его сродники) считал войну во время поста допустимой, христианская совесть в такой ситуации всё же тревожила его.

Рассказывая о княжеских битвах, летописцы домонгольского времени ни разу прямо не обнаружили собственного мнения о допустимости или недопустимости вооруженной борьбы в посты или праздники, хотя часто датировали военные события с точностью до дня и иногда даже комментировали эти даты в рамках присущей им провиденциальной парадигмы. Так, один из авторов Повести временных лет (далее – ПВЛ) под 6601 г. обнаружил связь двух поражений русских войск в битвах с половцами (на р. Стугне и на р. Желани) с крупными церковными праздниками, на которые эти сражения пришлись, – с Вознесением и памятью святых Бориса и Глеба. В двойном разгроме летописец увидел наказание князей Богом. Однако – отнюдь не за то, что в торжественные дни те повели своих воинов в бой и подняли оружие на врагов. Со ссылкой на ветхозаветных пророков летописец рассудил, что поражения, попущенные Богом в праздники (из-за чего последние обратились в печаль и вместо песен наполнились рыданием), – это сугубый знак Божьего гнева и явственный призыв к покаянию [ПСРЛ, т. 1, стб. 219–224]. Говоря по-другому, к поражению привел не неправильный выбор дня битвы (о чем речь и не заходит), а неправильная, греховная жизнь, требующая исправления. Эта мысль звучала также у летописцев позднейшего времени [ПСРЛ, т. 1, стб. 462–463; т. 2, стб. 642–643; т. 18, с. 78].

Стремление распознать в хронологии битв таинственное дыхание Промысла Божьего проявилось и в желании некоторых авторов видеть в календарных совпадениях нечто иное – свидетельство помощи воюющим того представителя высших сил, который поминался Церковью в день сражения или в день выхода навстречу врагу. Владимир Святой, по свидетельству начального летописания, за спасение в неудачном бою с половцами под Василевым дал обет отблагодарить Христа строительством Преображенской церкви, поскольку бой пришелся на этот праздник: «бѣ бо въ тѣ д(ь)нь Преображенъ Г(о)с(под)не, егда си быс(ть) сѣча» [ПСРЛ, т. 1, стб. 124–125; см. также: НПА, с. 166]. Правнук Владимира Святого Владимир Мономах в своем Поучении особо благодарит Богородицу за помощь в сражении у Белой Вежи с половцами, навстречу которым он отправился «заутра на Г(о)с(по)жинъ д(ь)нь» – на Успение Богородицы [ПСРЛ, т. 1, с. 248–249; Лаушкин 2023, с. 13]. В свою очередь, внук Владимира Мономаха князь Андрей Юрьевич, как сообщает Лаврентьевская летопись (далее – ЛЛ) под 6657 г., попав в отчаянное положение в усобной битве под Луцком, взывал о помощи к святому Феодору Стратилату, память которого праздновалась в день сечи, и «по вѣрѣ его избави и Б(ог)ъ без вреда и с(вя)тѣи м(у)ч(е)никъ Феодор, быс(ть) бо и памят(ь) с(вя)таг(о) мученика Феодора во тѣ д(ь)нь» [ПСРЛ, т. 1, стб. 325].

Можно допустить, что именно на подобную помощь, полученную победителями, иногда намекали летописцы, нарочито подчеркивавшие праздничность дня, в который произошло решающее столкновение: «поможе Б(ог)ъ кр(е)стьяномъ въ д(ь)нь с(вя)т(а)го пр(о)р(о)ка Ильи» (победа над половцами; Ипатьевская летопись (далее – ИЛ) под 6682 г.); «Михалко же побѣди полкъ в д(ь)нь недѣлный и поѣха въ Володимерь с ч(е)стью и с славою великою» (усобная битва в Суздальской земле; ЛЛ под 6684 г.); «Б(о)жиею помочью взяша вежѣ половецкѣи, много полона и конии м(ѣ)с(я)ца априля въ 21 на самыи Великъ д(е)нь» (ИЛ под 6693 г.);

«быс(ть) же тогда д(ь)нь недѣля сыропустная, егда побѣди Ярославъ литву» (ЛЛ под 6733 г.); «Олександръ... побѣди... силою святыхъ Софья и молитвами Владычица наша Богородица и приснодѣвица Мария, мѣсяца июля въ 15, на память святого Кюрика и Улиты, в недѣлю на Сборъ святыхъ отецъ 630, иже в Халкидонѣ» (победа над шведами; Новгородская I летопись (далее – НПЛ) под 6748 г.) и т. д. [ПСРЛ, т. 1, стб. 376–377, 448, 479; т. 2, стб. 569, 637; НПЛ, с. 77, 292]. Обратим внимание, что почти все приведенные примеры относятся к войнам русских князей с иноплемениками.

Летописный дискурс, ориентированный на поиск присутствия Божия в жизни людей, подталкивал летописцев именно к такому взгляду на хронологию войн. Наверное, этот взгляд можно охарактеризовать словами Ф. Контамина, заметившего применительно к истории средневекового Запада, что если речь шла об оборонительной или вынужденной войне, то сражаться «во дни торжественных праздников было не только законно, но и, возможно, выгодно, поскольку от того можно было ожидать какой-то сверхъестественной помощи» [Contamine, p. 76].

Однако был ли подобный взгляд единственным и не заслоняет ли он от нас иные воззрения на праздники и посты, которые могли бытовать в среде главных военных акторов ранней христианской Руси – князей и их бояр?

В настоящей статье мы бы хотели внимательнее присмотреться к одной из граней этого вопроса – к княжеской практике военных действий в воскресные дни, когда Церковь предписывала молитвенно вспоминать о пасхальной радости и чтить Спасителя, победившего смерть.

А. Е. Мусин предположил, что «в русской культуре» XII в. присутствовало знание о бытовании у католиков практики «Божьего перемирия» в воскресные дни. Этот вывод исследователь сделал на основании текстологически связанных известий ЛЛ и ИЛ под 6660 г. о вторжении в Галицкую землю венгерского короля Гезы II – союзника киевского князя Изяслава Мстиславича в войне против галицкого князя Владимирко Володаревича (разбор этой военной кампании см.: [Юрасов, с. 81–97]). Когда король вошел «в землю Володимеркову», рассказывает летописец, то остановился, «бѣ бо д(ь)нь нед(ѣ)ля (воскресенье. – А. Л.), королеви же по своему обычаю не встануцю никдѣже в нед(ѣ)лю» (в ИЛ: «... не вѣста никдѣже в нед(ѣ)лю»). Когда же наступил понедельник, правитель продолжил свой путь ([ПСРЛ, т. 1, стб. 336–337]; так же: [ПСРЛ, т. 2, стб. 448]). По мнению А. Е. Мусина, поступок Гезы был понятен его русским современникам и объяснялся тем, что «католическому государю Венгрии были известны рыцарские заповеди “Божьего перемирия”, в том числе и та, которая предписывала воздерживаться от военных действий и боевых походов в воскресные дни» [Мусин, с. 273].

Обе предложенные интерпретации – понимания королевского поступка русским летописцем и мотивации самого короля – не столь очевидны, как могут показаться на первый взгляд. На самом деле, летописец ничего не говорит об отказе угорского государя именно от боевых действий. А. Г. Кузьмин, переводя эту погодную статью ЛЛ, передал рассматриваемый оборот следующим образом: «король... не начинал ничего в воскресенье» [Се Повести, с. 211]. Г. М. Прохоров перевел фрагмент ближе к оригиналу, но тоже не нашел в нем особых военных коннотаций: «король... не вставал никуда в воскресенье» [Лаврентьевская летопись, с. 451]. У многозначного глагола «възстати» действительно могло бы появиться военное значение, но только в том случае, если бы летописец использовал его с соответствующими предлогами либо с существительным «рать»: «възстати на/противу» кого-либо, «възстати на рать», «възстати ратью» [СДРЯ, т. 2, с. 122, 127–128] и т. д. Однако летописец высказался неопределенно, и это не позволяет утверждать, что он говорил именно о военной активности короля

и тем более, что он опознавал в его действиях реализацию некоего принципа, провозглашенного на латинском Западе. Экономнее предположить, что летописец указывал лишь на то, что Геза чтит воскресенье и буквально воспринимал его как «недѣлю» – день, когда ради молитвы Богу следовало отлагать любые повседневные дела.

Однако и мы, обремененные знанием о «Божьем перемирии», не можем быть уверены, что в данной ситуации Геза руководствовался именно предписаниями Клермонского собора (как и в том, что они в принципе соблюдались Арпадами). К слову, если бы упомянутые правила в понимании венгров и вправду почему-то касались этой королевской войны (целью которой была «справедливая» месть за избиение галицким князем венгров в предыдущем году) и при том исполнялись бы неукоснительно, то Геза должен был приостановить свой поход не в воскресенье, а еще вечером в среду. Стоит обратить внимание и на то, что если летописец последовательно излагал цепь событий, то именно в тот воскресный день король отправил по галицким деревням «зажитников» для добычи провианта и фуража. Эти люди не могли обойтись без насилия по отношению к мирным жителям и должны были быть готовы к вооруженным стычкам с воинами Владимирко (в конечном счете и пленившими их).

Указывая на воскресный обычай короля как на проявление рыцарственной воинской культуры Запада, А. Е. Мусин упрекает русских князей в том, что они не следовали этой «вполне христианской в своих основаниях» «традиции воскресных перемирий», «пренебрегали уважением воскресного дня» и что им «было решительно всё равно, когда они вступали в бой с противником – в воскресенье или в другой праздничный день церковного календаря» [Мусин, с. 273–274, 281]. Оставляя в стороне вопрос, почему династы Руси должны были следовать правилам, принятым латинской Церковью, отметим, что по крайней мере одно эксплицитное свидетельство, способное поставить под сомнение категоричность процитированного мнения, в источниках имеется. И находится оно в тех же статьях ЛЛ и ИЛ под 6660 г., что и упомянутый эпизод с Гезой II. Двигаясь с союзниками на Чернигов, князь Юрий Долгорукий перешел р. Снов, но не стал сразу приступать к городу, а остановился у его северо-восточного форпоста Гуричева. Летописец, первоначальная запись которого отразилась в названных летописях с некоторыми отличиями, связал эту остановку именно с нежеланием князя атаковать город в воскресенье: «в нед(ѣ)лю не хотя ити к городу» (ИЛ); «бѣ же тогда д(ь)нь недѣльныи, тѣм же не идоша к городу» (ЛЛ) [ПСРА, т. 1, стб. 338; т. 2, стб. 456]. И хотя ниже мы увидим, что Юрий не всегда воздерживался от военных маневров в воскресные дни, в данном случае мысль о причинах его поступка выражена летописцем более чем отчетливо. Даже если у князя были и иные причины для приостановки наступления до понедельника, важно, что указанная мотивация оказалась автору летописной записи достаточной и вполне естественной. Впрочем, отказ от вооруженной борьбы в воскресенье касался, видимо, только русской части приведенного Юрием воинства – союзные половцы, по свидетельству ИЛ, в какой-то момент всё же были отпущены им к Чернигову, где «много полона взяша» и в ночь на понедельник сожгли поселение Семьинь [ПСРА, т. 2, стб. 456].

Чтобы хотя бы отчасти – в рамках сохранившихся данных – представить себе практическое отношение русских князей к вопросу о боевых действиях в воскресенье, обратимся вновь к летописному материалу и рассмотрим ситуации, когда военные события как-то связывались летописцами с этим главным днем недели.

(1) Под 6631 г. ИЛ повествует о нападении князя Ярослава Святополчича с союзниками (среди которых были и польские, венгерские и чешские отряды) на Владимир-Волынский, в котором уже не первый год сидел сын Мономаха Андрей Владимирович. Ярослав предъявил обороняющимся ультиматум, причем сделал это лично, явившись лишь с двумя дружинника-

ми («самъ третии») под стены города и выкрикивая свои требования. Летописец, не называя точной даты, указал, что произошло это в воскресное утро («рано в недѣлю»). В случае отклонения ультиматума князь обещал уже на следующий день (то есть в понедельник) начать приступ и взять город. Явиться на переговоры фактически без охраны было поступком крайне безрассудным, и в результате он стоил Ярославу жизни (на обратном пути князь попал в засаду, устроенную некими ляхами из города, и был смертельно ранен ими) [ПСРЛ, т. 2, стб. 287]. Рассматривая данную ситуацию, позволительно задать вопрос: а не было ли такое безрассудство Ярослава как раз и связано с тем, что в воскресное утро он чувствовал себя у вражеских укреплений в относительной безопасности? (И он действительно открыто атакован с них не был – во всяком случае, летописец ничего не пишет об этом.) Напомним, что и сам Ярослав в этот день не собирался поднимать войска на штурм, думая дождаться понедельника.

(2) Под 6652 г. в ИЛ читается известие о том, как изгнанный галичанами князь Владимирко Володарьевич сумел вернуть потерянный город. После трех недель осады Галича князь Иван Ростиславич Берладник, призванный мятежными горожанами на княжение, решился на вылазку. Однако бой около города оказался для него неудачным, и он бежал, оставив город на произвол судьбы. Вылазка произошла «в нед(ѣ)лю мяс(о)пус(т)ную на ночь» [ПСРЛ, т. 2, стб. 317] – в воскресенье (предпоследнее перед Великим Постом), но уже вечером этого дня, когда в богослужбном отношении начинался понедельник.

(3) Галичане держались еще неделю, продолжая устраивать вылазки, но в следующее воскресенье, «в нед(ѣ)лю маслопус(тну)ю», «нужею отворишася» – были вынуждены открыть ворота. Летописец ничего не говорит о штурме и представляет сдачу города решением самих защитников. Не исключено, последние намеренно выбрали для сдачи именно Прощеное воскресенье, надеясь, что в такой день Владимирко Володарьевич будет милостивее к ним. Впрочем, этой надежде, если она и вправду теплилась, сбыться не было суждено: войдя в город, князь «многи люди исѣче, а иныя по[казни] казнью злою» [ПСРЛ, т. 2, стб. 317]. Происходила ли эта расправа в тот самый день или позднее, летописец не уточняет. Но в любом случае, речь шла уже не о боевых действиях, а о княжеской каре за предательство.

(4) Под 6656 г. ИЛ рассказывает о столкновении князя Изяслава Мстиславича с черниговскими князьями. Стремясь спровоцировать противников на битву, Изяслав с союзниками расположился под Любечем. Против него выступила коалиция во главе с братьями Давыдовичами и Святославом Ольговичем. В «нед(ѣ)льный д(ь)нь» Изяслав привел армию в боевую готовность, однако неприятелей разделяла река, и дело ограничилось лишь перестрелкой лучников. Учитывая военный опыт Изяслава, следует думать, что он понимал невозможность сражения при такой диспозиции изначально и построение войск имело лишь цель демонстрации силы. Позже он сообщил своему брату Ростиславу: «разииде ны с ними рѣка, и нѣльзѣ бы ны ся с ними тою рѣкою битися» [ПСРЛ, т. 2, стб. 361–362].

(5) Под 6660 г. ЛЛ и ИЛ сообщают о нежелании князя Юрия Долгорукого атаковать Чернигов в воскресный день, о чем мы уже говорили выше.

(6) По свидетельству ИЛ под 6665 г., тот же князь, воюя против князя Мстислава Изяславича, осадил с союзниками Владимир-Волынский. Перед началом осады он остановился в местечке Хвалимичи, в 5–6 км от города, и оттуда в некую субботу (число и месяц, как и в предыдущих рассмотренных случаях, не указаны) отправил к городу стрельцов, задача которых, по-видимому, сводилась к разведке боем. «Заутра же в недѣльны д(ь)нь» – воскресным утром следующего дня – Юрий повел к Владимиру основные силы и обложил город, расставив полки для планомерной осады, которая продолжалась затем десять дней. Летописец пишет, что в ее ходе «многы крови проливахутся», но не сообщает, начались ли активные столкновения

сразу по прибытии войск под стены города, то есть в тот самый воскресный день [ПСРА, т. 2, стб. 486–487]; см. также: [ПСРА, т. 1, стб. 347]). Однако в любом случае, на передислокацию полков из-под Хвалимичей к Владимиру коротким зимним днем (на сезон указывает ЛЛ) и на расстановку полков должен был уйти, по-видимому, не один час, и столкновения едва ли могли начаться ранним утром или даже раньше середины дня, то есть раньше завершения воскресной литургии.

(7) ИЛ, рассказывая под 6668 г. о неудачном нападении «изъѣздомъ» князя Изяслава Давыдовича с половцами на Чернигов, сообщает, что для черниговского князя Святослава Ольговича движение неприятеля явилось неожиданностью: в это время с княгиней и детьми он стоял «передъ городомъ в товарехъ», «б[ы]вшю же тогда д(ь)ни недѣльному». Изяслав со своими полками форсировал Десну в районе Свенковичей «в зорѣ» (в Хлебниковском и Погодинском списках памятника – «по зори») и сразу же «пусти я (полки. – А. Л.) воевать». Святослав получил весть о происходящем тогда, когда Изяслав уже переходил Десну, и после того «вборзѣ» «наряди полкы своя». Хронологическая нить рассказа об этих быстро развивавшихся событиях не совсем последовательна, но всё же позволяет заключить, что летописец имел в виду не вечернюю, а утреннюю зарю того воскресного дня: далее говорится, что князь Владимир Андреевич, союзник Святослава, отпущенный было последним восвояси, отозвался на его срочный призыв о помощи и «притягль» со своим полком «въ ть д(ь)нь» – успел вернуться в тот же день [ПСРА, т. 2, стб. 507]. Таким образом, если мы верно понимаем летописца, перед нами первый зафиксированный случай, когда князь предпринимает активные военные действия не просто в воскресенье, а утром и в первой половине дня – во время, отмеченное главным богослужением этих литургических суток.

(8) Под 6679 г. в известии о знаменитом походе на Киев коалиции князей под началом Мстислава, сына Андрея Боголюбского, ИЛ указывает, что перед нападением на город союзники остановились в его пригороде «на Дорогожичи, подь с(вя)тымь Курилом, Феодоровы нед(ѣ)ли и второѣ нед(ѣ)ли оступиша вьсь градъ Киевъ», после чего осада, сопровождавшаяся боями, продолжилась три дня («стояша 3 д(ь)ни у города») и завершилась взятием крепости «второѣ недѣли поста в среду» [ПСРА, т. 2, стб. 544–545]. Н. Г. Бережков полагал, что под «Феодоровой недѣлей» летописец имел в виду воскресенье первой седмицы Великого поста (9 марта 1169 г.) [Бережков, с. 181]. Такое прочтение датировки возможно, но не обязательно. Рядом, говоря о второй седмице поста, летописец дважды использует слово «недѣля» не в значении воскресного дня, а в значении целой седмицы. А значит, нельзя исключить того, что и под определением «Феодорова неделя» у него скрывался не один воскресный день, а вся первая седмица поста, названная так по приуроченному к ее субботе переходящему празднованию памяти святого Феодора Тирона. Однако в любом случае, из текста вполне определенно следует, что боевые действия в воскресенье еще не велись – окружение Киева произошло только с наступлением «второѣ недѣли» поста. В рамках хронологии рассказа – в понедельник, поскольку при включающем счете дней трехдневная осада, завершившаяся в среду, могла начаться только в понедельник.

(9) Тот же князь Мстислав Андреевич, как сообщает НПЛ под 6677 г., с собранной отцом коалицией подступил к Новгороду «въ недѣлю на Съборѣ» – в первое воскресенье Великого Поста (22 февраля 1170 г.) [Бережков, с. 245]. Далее, по словам старшего извода памятника, противники «съездишася по 3 дни», а на четвертый день, «въ среду», последовал приступ союзных полков к городу «силою». Глагол «съездишася» скорее следует понимать как указание на вооруженные стычки [СДРЯ, т. 13, с. 274] за линией укреплений, хотя редактор-новгородец, труд которого отразился в Комиссионном списке младшего извода НПЛ, увидел здесь свиде-

тельство о трехдневных переговорах сторон: «сходистася промежи себе о уряди по три дни». Позднейшее «Слово о Знамени Пресвятой Богородицы» описывает эти дни как время «стояния» противников: «стояша (суздальцы. – А. Л.) под острогомъ 3 д(ь)ни, а новгородци быша за острогомъ» [Лосева, с. 330]. Как бы то ни было на самом деле, ясно, что ни в воскресенье, ни в понедельник, ни во вторник Мстислав не отдавал приказ о штурме города, и в худшем случае дело ограничивалось разведывательными рейдами атакующих и вылазками новгородцев. Интересно, что под Новгородом Мстислав почти в точности повторил хронологическую схему своего нападения на Киев годом ранее. Выдвинувшись к городу в конце первой, Феодоровской, седмицы Великого поста, он вновь попытался взять город в среду второй его седмицы. Не исключено, что этот повтор не был случайным и князь понадеялся, что вслед за чередой триодных дат и военные события станут развиваться по удачному для него «киевскому» сценарию 1169 г. Если это так, мы получаем интересный пример мотивированного религиозно-календарными соображениями подхода к планированию военных операций. Впрочем, ожидания Мстислава не оправдались. На сей раз исход сражения оказался для него иным: к вечеру новгородцы во главе с князем Романом Мстиславичем одержали верх [НПЛ, с. 33, 221].

(10) ЛЛ под 6679 г. и ИЛ под 6681 гг. рассказывают о походе сыновей Юрия Долгорукого Михалки и Всеволода на половцев. Братья должны были перехватить кочевников, возвращавшихся в степи, и отбить захваченный ими русский полон, что они с успехом и сделали. В ходе погони произошло два боя. Первый пришелся на среду, а второй, решающий, – на воскресенье: «и сбис(т)ся в нед(ѣ)лю: самих поганых избиша, а другыя изымаша, а полонъ свои от(ѣ)яша» [ПСРА, т. 1, стб. 363]. День сражения планироваться князьями не мог, поскольку был определен случайным моментом их новой встречи с «погаными»: после первого боя Юрьевичи «... поѣхаша по дорозѣ и срътоша и (половцев. – А. Л.) паки, и сступишася с ними, би[шася] ...» ([ПСРА, т. 1, стб. 363]; так же: [ПСРА, т. 2, стб. 562–563; т. 38, с. 135–136; т. 41, с. 97]).

(11) Не пришлось выбирать братьям день и еще одной воскресной битвы с их участием. В Суздальской земле после гибели Андрея Боголюбского утвердились его племянники Ростиславичи – Мстислав и Ярополк. Картина дальнейших событий, как мозаика, складывается из различных по составу известий ЛЛ и ИЛ под 6684 г. Недовольная правлением Ростиславичей знать города Владимира призвала к себе на княжение младших Юрьевичей – Михалку и Всеволода. Дружины последних, выступившие в поход, были усилены черниговским полком под началом князя Владимира Святославича; на сторону дядей перешел и молодой князь Юрий, сын Андрея Боголюбского, пришедший с некими владимирцами. Движение этих сил к Владимиру должен был остановить Ярополк Ростиславич, но он не смог вовремя обнаружить их (или перемудрил со сложным маневром), оказался у них в тылу и призвал брата Мстислава, находившегося в Суздале, срочно выдвинуться и преградить путь Михалке и Всеволоду уже в окрестностях стольного города на Клязьме. Мстислав, как уточняет ЛЛ, получил этот призыв в субботу и уже на следующее утро («заутра») выдвинулся из Суздаля. В тот же день он встретил Юрьевичей в 5 верстах от Владимира на Белеховом поле, где и произошло сражение, закончившееся для него быстрым поражением [ПСРА, т. 1, стб. 375–377; т. 2, стб. 600–601; т. 38, с. 141–142; т. 41, с. 103–104]. Если Юрьевичам бой в воскресенье – «м(ѣ)с(я)ца июня в 15 день, с(вя)т(а)го прор(о)ка Амоса, в недѣлю» [ПСРА, т. 2, стб. 601] – был навязан противником, то у Мстислава оставался выбор, но выбор весьма непростой: или сразиться с дядьями в таковой день (если, конечно, это имело для него значение), или же отдать Владимир без боя. Другими словами, выбора у него практически не было. Однако и здесь следует отметить, что поскольку Мстислав выехал из Суздаля утром в самый день битвы да еще успел построить свой полк у дороги, где

ожидалось появление Юрьевичей, то начаться сражение могло лишь в середине дня, поскольку суздальская рать должна была прежде преодолеть весьма неблизкий путь – никак не меньше 35–40 км (что превышает обычный дневной переход русских конниц того времени [Кудряшов, с. 116–117] и в понятиях позднейшего времени может быть определено как «форсированный марш»). Летописец иронично заметил, что ехать этой рати пришлось «борзо, якож(е) и на заяць», но и при такой бешеной скачке дорога и развертывание навряд ли могли занять меньше 4–5 часов (исходим из того, что предельная скорость лошади под вооруженным седоком на марше не превышала 8 верст в час (8,5 км/ч) [Изместьев, с. 83]).

(12) Сразу после смерти Михалки Юрьевича 19/20 июня 1176 г. борьба за власть в Суздальской земле вспыхнула снова, и уже через неделю Мстислав Ростиславич, призванный ростовцами, и Всеволод Юрьевич, поддержанный владимирцами и переяславцами, сошлись в битве на Юрьевском поле близ г. Юрьева. Мстислав занял позицию раньше своего противника. Всеволод, как повествует ЛЛ под 6685 г., «переѣхавъ рѣку Къзу в субботу рано, и поѣха к нему, полки нарядивъ. Мстислав же стояше, dospѣвъ, у Липиць. Стрѣлцем стрѣляющимся межи полкома, поидоша к собѣ на грунахъ обои и покрыша поле Юрьевское. И Б(ог)ъ поможет Всеволоду Юрьевичю м(ѣ)с(я)ця июня въ 27 д(ь)нь на памят(ь) с(вя)таг(о) Сампсона Странноприимця. И побѣже Мстиславъ и дружина его...» ([ПСРА, т. 1, стб. 381–382]; так же: [т. 38, с. 144 (в Радзивилловской летописи ошибочно указан июль); т. 41, с. 106–107]). Приведенные летописцем разнородные по форме датировки (суббота и 27 июня, память святого Сампсона) указывают на два смежных дня – субботу и воскресенье, что создает определенные сложности в истолковании процитированного отрывка. А. Ю. Карпов склонился к мнению, что битва произошла в воскресенье, а с момента перехода Всеволодом р. Гзы «полки могли стоять друг против друга до наступления следующего дня» [Карпов, с. 355]. Конечно, такой сценарий теоретически был возможен, но представляется маловероятным. Столь долгую задержку перед началом сражения можно было бы объяснить переговорами, но в данном случае, как выше сообщает летописец, они были проведены ранее и Мстислав, укрепленный ростовцами, категорически отверг компромисс, который ему предлагал Всеволод. Но дело было не только в этом. Форсировав в субботу утром Гзу, Всеволод оказался на открытом пространстве перед лицом противника (о географии битвы см.: [Астайкин]). Сомнительно, чтобы в такой позиции уже «нарядившие» свои полки князья стали бы ждать еще сутки, рискуя, помимо прочего, пропустить ночную атаку врага. Более реалистичным выглядит мнение Н. Г. Бережкова, который датировал битву субботой 26 июня, а в летописной датировке видел возможную ошибку летописца-редактора. В первоначальном варианте записи, согласно Н. Г. Бережкову, упоминание памяти святого могло появиться потому, что битва продолжилась до субботнего вечера, когда, по богослужебным правилам, уже начиналось празднование святому Сампсону. А затем это упоминание кануна было ошибочно принято редактором за указание на самый день праздника и дополнено соответствующим (и неверным) числом месяца [Бережков, с. 79–80]. Можно предложить и более экономный комментарий, снимающий хронологическую неопределенность отрывка. Если битва вправду затянулась, то факт победы (подтвержденное разведкой бегство племянника, гибель именитых противников, впечатляющий размер полона) мог быть осознан Всеволодом лишь утром следующего – воскресного – дня, чем и было вызвано изображение летописцем именно его как «дня победы». Само же сражение, начало которому со всей очевидностью положил переход р. Гзы полком Всеволода, происходило в субботний день 26 июня.

(13) Третий и решающий раунд вооруженного противоборства за Суздальскую землю, развернувшегося после смерти Андрея Боголюбского, произошел в холодные месяцы

1176/1177 гг. Согласно ЛЛ под 6685 г., в конце зимы недалеко от Владимира на противоположных берегах р. Колокши у Прусковой горы сошлись две княжеские коалиции. Всеволода Юрьевича помимо местной знати поддержали его племянник князь Переяславля Южного Владимир Глебович и черниговский князь Святослав Всеволодович (приславший войска); Мстислава и Ярополка Ростиславичей – рязанский князь Глеб Ростиславич с сыновьями и половцами. После месячного «стояния» у реки (лед на которой долгое время оставался тонок для конницы) противники задвигались. Первым начал действовать Всеволод, «нарядивъ полки на Масленѣи недѣл(ѣ), и пусти возы на ту сторону рѣкы, идеже Глѣбъ стояше...» [ПСРА, т. 1, стб. 384]. В ответ Глеб послал к этим возам полк Мстислава. В свою очередь Всеволод приказал усилить группировку «у возов» полком Владимира Глебовича. Сам Глеб с сыновьями и Ярополком перешел Колокшу и хотел атаковать Всеволода, но увидел через реку, что Мстислав, сражавшийся «у возов», побежал, и последовал его примеру. После этого инициатива перешла к Всеволоду, и он закончил дело полным разгромом и пленением неприятеля. Подводя итог рассказу о битве, летописец записал: «поможе Б(ог)ъ и с(вя)тая Б(огороди)ця Всеволоду князю в понедеѣльник Феодоровы недѣли» (7 марта 1177 г.) ([ПСРА, т. 1, стб. 384–385]; так же: [ПСРА, т. 38, с. 145; т. 41, с. 108]). Как и в предыдущем случае, летописец снабдил рассказ двумя разнородными датировками, интерпретация которых и на этот раз вызывает затруднения. Первый вопрос, который встает при анализе хронологии битвы: что имел в виду летописец, говоря о «Масленѣи недѣле», – Сырную седмицу вообще или конкретно венчающее ее Сыропустное (Прощеное) воскресенье? В рамках предложенной А. Тимберлейком сегментации текста ЛЛ [Timberlake, S. 237–265; Guimon, p. 290–293] рассматриваемая летописная статья относится к отрезку за 6685 – начало 6693 г. На его протяжении слово «недѣля» в датирующем смысле встречается еще дважды, и оба раза для обозначения седмиц: в приведенной цитате с упоминанием «понедеѣльника Феодоровой недѣли» и под 6687 г. в известии о смерти князя Мстислава Ростиславича в Новгороде «Пороздноѣ (Светлой. – А. Л.) недѣл(ѣ)» [ПСРА, т. 1, стб. 387]. В последнем случае речь, конечно, идет не о самой Пасхе (что, без сомнения, не преминул бы отметить летописец, прямо указав на «Велик день»), а об одном из последующих дней¹. Впрочем, этих примеров всё же недостаточно, чтобы и в описании рассматриваемой битвы в «недѣле» однозначно видеть седмицу. Плотность и связанность событий, описанных летописцем, заставляют думать, что под «Масленѣи недѣлей» он скорее подразумевал день, непосредственно предшествовавший развязке, – воскресенье 6 марта. Однако если это так, возникает второй вопрос: как изложенные летописцем факты распределяются между 6 и 7 марта? Ответить на него можно только предположительно. Ясно, что бой «у возов» и неудачная скоротечная атака Глеба происходили одновременно, а после них началось преследование дружинами Всеволода побежавших неприятелей. Трудно представить, что эти события – бои и преследование – разделяла целая ночь или что бои продолжались ночью. В отличие от короткой июньской ночи во время битвы на Юрьевском поле, над Колокшей в начале марта тьма держалась около полусуток, и к тому же противники находились среди покрытых сугробами полей. Таким образом, основные столкновения логичнее отнести к дню окончательного разрешения усобного спора, определяемому летописцем как понедеѣльник первой недели Великого поста (7 марта). А из этого следует, что на воскресенье прились лишь подготовительные действия – блестящий маневр Всеволода с возами (о чем прямо пишет летописец) и, возможно, какие-то ответные шаги Глеба и Мстислава, не вступивших, однако, в серьезные бои.

¹ НПА, допуская ошибку в номере индикта, датирует смерть князя 20 апреля 1178 г., то есть относит не к Светлой седмице (которая в том году была с 9 по 15 апреля), а к четвергу второй седмицы по Пасхе [НПА, с. 35]. Комментарий к этой несостыковке см.: [Бережков, с. 80–81, 245–246].

(14) ИЛ под 6693 г. сообщает о посылке киевским князем Святославом Всеволодичем воеводы Романа Нездиловича с берендеями против половцев. Набег был предпринят незадолго до знаменитого похода князя Игоря Святославича 1185 г. и завершился удачно: «Б(о)жиею помочью взяша вежѣ Половецкѣи, много полона и конии м(ѣ)с(я)ца априля въ 21 на самыи Великъ д(ь)нь» [ПСРЛ, т. 2, стб. 637]. Обстоятельства кампании не описаны. Можно допустить, что поскольку речь идет не о полевым сражении, когда бы всё могло определить время появления противника, а о захвате веж, то инициатива (а значит, и выбор дня) находилась в руках воеводы. Впрочем, ситуация могла быть и не такой однозначной.

(15) ЛЛ под 6715 г. повествует о рязанской войне князя Всеволода Юрьевича 1207 г. и о ее апогее – взятии г. Пронска. Князь с союзниками подошел к городу «в д(ь)нь суб(о)тнии» и, «не хотя видѣти крови пролетья», отправил к его защитникам посла с неким предложением о мире, которое те отвергли. После этого Всеволод приказал приступить к городу и лишить его воды. Осада, сопровождаемая перестрелками и вылазками прончан, продолжилась «3 нед(ѣ)ли» и завершилась сдачей города «в четвергъ 3-иѣ нед(ѣ)ли м(ѣ)с(я)ца октяб(ря) въ 18 д(ь)нь на памят(ь) с(вя)таг(о) ап(о)с(то)ла Лукы еуа(н)г(е)листа» [ПСРЛ, т. 1, стб. 431–432]. Эта развернутая хронологическая ремарка помогает уточнить день прибытия войск к стенам Пронска – 29 сентября. Однако из-за очередной неясности того, какой смысл вкладывал летописец в слово «недѣля» (отрезка в семь дней или же календарной седмицы), она не позволяет уточнить дату начала активной стадии столкновения. Приказ Всеволода «приступить ко граду» мог прозвучать как в субботу 29 сентября, так и в один из последующих дней.

(16) ЛЛ под 6733 г. рассказывает о крупном дерзком налете литвы на Новгородскую, Смоленскую и Полоцкую земли («бѣ бо рать велика з(ѣ)ло, ака же не была от начала миру») и об удачной погоне за незваными гостями князя Ярослава Всеволодича. Князь настиг «поганых» у Усвята и в сражении на озере разбил их, освободив русских пленников. «Быс(тъ) же тогда д(ь)нь недѣл(я) сыропустная (1 марта 1226 г. – А. Л.), егда побѣди Ярославъ литву», – закончил свой рассказ летописец [ПСРЛ, т. 1, стб. 447–448]. Очевидно, что и в этом случае время битвы было определено ходом погони и специально не избиралось князем.

(17) ИЛ под 6735 г. описывает захват г. Черторыйска князьями Даниилом и Васильком Романовичами. Братья, желая, по-видимому, застать противника врасплох, «приехаста ... ко Черторыйску» в пасхальное утро – «наутрѣя ... на Великъ д(ь)нь». Однако окружение ими города произошло лишь «в понедѣльникъ на ночь» (можно допустить, что до того стороны пытались вести переговоры), а штурм состоялся на следующий день [ПСРЛ, т. 2, стб. 752].

(18) НПЛ под 6748 г. и ЛЛ под 6771 г. (в составе Повести о житии князя Александра Невского) называют дату «великой сѣчи» на Неве 1240 г., которая пришлась на воскресенье: «мѣсяца июля въ 15, на память святого Кюрика и Улиты, в недѣлю на Сборъ святыхъ отецъ 630, иже в Халкидонѣ»; «въ д(ь)нь в(ъ)скр(е)с(е)нья на памят(ь) с(вя)т(ы)хъ о(те)ць 600 и 30 бывша збора в Халкидонѣ и с(вя)тою м(у)ч(е)н(и)ку Кюрика и Улиты, и с(вя)т(а)го кн(я)з(я) Володимера, кр(е)стившаго Русскую землю» [НПЛ, с. 77, 292; ПСРЛ, т. 1, стб. 479]. Оба источника подчеркивают, что молодой князь действовал стремительно: «не умедли ни мало», «ускори ... пойти». Повесть добавляет, что из-за спешки он не только отказался от мысли послать за помощью к своему отцу Ярославу, но даже не захотел дожидаться, пока в поход соберутся все новгородцы, из-за чего «мнози» из них пойти не смогли. Сложно допустить, что в такой динамичной ситуации князь умышленно выбирал календарную дату для битвы, а приблизившись к вражескому стану, в принципе стал бы медлить, рискуя обнаружить свое присутствие и лишиться фактора внезапности, который во многом и решил исход сражения.

Подведем итоги. Из 18 выявленных² военных ситуаций только в семи происходили активные вооруженные столкновения в воскресные дни. И еще в двух, представлявших собой начала осад, такие столкновения исключить нельзя, но прямые данные о них отсутствуют (№ 6, 9). Любопытно, что при описании всех этих происшествий летописцы почему-то посчитали необходимым специально указать на воскресный день, но при этом почти в половине случаев опустили точную календарную дату события (№ 2, 6, 7, 10).

Из 7 упомянутых эпизодов, когда бои шли в воскресенье, в четырех князья попадали в положения, когда битва оказывалась для них тактическим императивом – ее нельзя было избежать. Три таких столкновения произошли в ходе войн с иноплеменниками – половцами, литвой и шведами (№ 10, 16, 18) и одно – во время княжеской усобицы (№ 11). Причем в последнем случае сражение пришлось на середину или вторую половину дня, когда литургические сутки клонились к концу.

И лишь в трех оставшихся эпизодах можно увидеть сознательные решения полководцев атаковать противника именно в воскресенье. Таковы: вылазка князя Ивана Берладника из осажденного Галича (которая произошла, впрочем, уже вечером; № 2), утренняя атака на Чернигов князя Изяслава Давыдовича (№ 7) и захват половецких вежей боярином Романом Нездиловичем на «Великъ д(ь)нь» (№ 14). Отметим, однако, что этот пасхальный налет, предпринятый к тому же не князем, а воеводой, был отнесен нами в данную группу с известной долей условности, поскольку обстоятельства сражения в летописи не описаны и оно также могло быть в плане даты вынужденным.

К сказанному следует добавить, что на воскресные дни неоднократно приходились действия, хотя и связанные с войной, но всё же не предполагавшие серьезного кровопролития – переговоры³ (№ 1), полевые маневры (№ 4, 13) и развертывание войск для подготовки осады или штурма (№ 6, 9, 17).

Рассмотренные данные позволяют сделать вывод, что, хотя в русской княжеской среде военные действия в воскресные дни не были табуированы и эти дни не выпадали целиком из плотной ткани военных забот, осмысленный выбор князем воскресного дня для битвы был явлением крайне редким. В таком осмотрительном отношении Рюриковичей к главному дню христианской недели угадывается влияние на воинскую культуру Руси установлений новой веры.

Источники

- Анна Комнина. Алексиада / Вступ. статья, пер. [с греч.], коммент. Я. Н. Любарского. М., 1965. 688 с.
- Иоанн Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов (1118–1180) / Изд. В. Н. Карпова. СПб., 1859. [4], VI, XII, 365 с., [1] л. табл.
- История Средних веков: От Карла Великого до Крестовых походов (768–1096 гг.) / Сост. М. М. Стасюлевич. 3-е изд., испр. и доп. СПб.; М., 2001. 688 с.
- Лаврентьевская летопись. Текст. Перевод. Исследования / Подгот. текста, пер. и исслед. Г. М. Прохорова. СПб., 2017. 749 с.
- Лев Диакон. История / Пер. М. М. Копыленко; Отв. ред. Г. Г. Литаврин; Ст. М. Я. Сюзюмова; Коммент. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова; [АН СССР]. М., 1988. 237, [2] с., [1] л. ил.
- Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV веков. М., 2009. 466 с.

² В это число мы не стали вносить сражение князя Игоря Святославича с половцами 1185 г. на р. Каяле, которое лишь завершилось воскресным утром, а началось (при появлении кочевников) в субботу [ПСРА, т. 2, стб. 640–643].

³ В этой связи любопытно, что византийская религиозно-правовая практика, вводя ряд запретов на повседневные дела в воскресенье, тем не менее, допускала в этот день деловые переговоры и заключение договоров [Матфей Властарь, с. 273].

Матфей Властарь. Собрание по алфавитному порядку всех предметов, содержащихся в священных и божественных канонах, или Алфавитная Синтагма / Пер. с греч. свящ. Николая Ильинского. Симферополь, 1892. [6], 410, ЛП с.

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. 640, [1] с., [5] л. факс.

ПСРА. М., 1962. Т. 1. VIII, 578 с.; М., 1962. Т. 2. XVI, 938, 87 с.; СПб., 1913. Т. 18. [2], III, 316 с.; Л., 1989. Т. 38. 180 с.; М., 1995. Т. 41. X, 164, [3] с.

СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1989. Т. 2. 494 с.; М.; СПб., 2023. Т. 13. 728 с. Се Повести временных лет (Лаврентьевская летопись) / Вступ. ст. и пер. А. Г. Кузьмина; Сост., авт. примеч. и указ. А. Г. Кузьмин, В. В. Фомин. Арзамас, 1993. 382 с.

Théodore Daphnopatès. Correspondance / éd. et trad. par J. Darrouzès et L. G. Westerink. Paris, 1978. 264 p.

Литература

Астайкин А. А. Что означает Липицы? (Об определении места Липицких битв 1176 и 1216 гг. и критическом разборе версии А. С. Уварова) // Средневековая Русь. М., 2012. Вып. 10. С. 197–228.

Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. 376 с.

Буддакова Е. В. Концепция войны в установлениях «Божьего мира» во Франции конца X – начала XII в. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Исторические науки. Всеобщая история. 2014. № 13 (135). С. 55–64.

Заборов М. А. Примечания // Виллардуэн Ж. Завоевание Константинополя. М., 1993. С. 218–287.

Изместьев П. И. Краткое руководство по элементарной и общей тактике. Составлено по опыту последних войн. Пг., 1919. 312 с.

Каптен Г. Ю. Проблема сакрализации войны в византийском богословии и историографии. СПб., 2020. 263 с.

Карпов А. Ю. Всеволод Большое Гнездо. М., 2019. 423 с.

Контамин Ф. Война в Средние века. СПб., 2001. 416 с.

Кудряшов К. В. Половецкая степь: Очерки исторической географии. М., 1948. 163 с.

Лаушкин А. В. «Праздничные выходы» на войну в домонгольской Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75). С. 53–57. DOI 10.25986/IRI.2019.75.1.0013

Лаушкин А. В. Устраивали ли триумфы русские князья домонгольского времени? // Российская история. 2022. № 3. С. 3–14. DOI 10.31857/S0869568722030013

Лаушкин А. В. Церковный календарь как средство заботы о будущем в домонгольской Руси // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 2023. № 4. С. 12–16. DOI 10.52452/19931778_2023_4_12

Мусин А. Е. Milites Christi Древней Руси: Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005. 368 с.

Семешон Э. О происхождении Божьего мира и его значение // История Средних веков: От Карла Великого до Крестовых походов (768–1096 гг.). СПб.; М., 2001. С. 669–673.

Юрасов М. К. Походы войска Гезы II на Русь в 1148–1152 гг. // Средневековая Русь. М., 2014. Вып. 11. С. 13–104.

Contamine Ph. L'idée de guerre à la fin du Moyen Âge: aspects juridiques et éthiques // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 123e année. 1979. № 1. P. 70–86.

Guimon T. V. Historical Writing of Early Rus (c. 1000 – c. 1400) in a Comparative Perspective. Leiden; Boston, 2021. 477 p.

Timberlake A. Who Wrote the Laurentian Chronicle (1177–1203)? // Zeitschrift für slavische Philologie. 2000. Bd. 59. S. 237–265.

References

Astaikin, A. A. Chto oznachaet Lipitsy? (Ob opredelenii mesta Lipitskikh bitv 1176 i 1216 gg. i kriticheskom razbore versii A. S. Uvarova). In *Srednevekovaya Rus'*. Moscow, 2012. Iss. 10. Pp. 197–228. (In Russ.)

Berezhkov, N. G. Khronologiya russkogo letopisaniya. Moscow, 1963. 376 p. (In Russ.)

- Buldakova, E. V. Kontsepsiya voyny v ustanovleniyakh “Bozh’ego mira” vo Frantsii kontsa X – nachala XII v. In *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. Vseobshchaya istoriya*. 2014. No. 13 (135). Pp. 55–64. (In Russ.)
- Contamine, Ph. L’idée de guerre à la fin du Moyen Âge: aspects juridiques et éthiques. In *Comptes rendus des séances de l’Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 123e année*. 1979. No. 1. Pp. 70–86.
- Guimon, T. V. Historical Writing of Early Rus (c. 1000 – c. 1400) in a Comparative Perspective. Leiden; Boston, 2021. 477 p.
- Izmesťev, P. I. Kratkoe rukovodstvo po elementarnoi i obshchei taktike. Sostavleno po opyту poslednikh voyn. Petrograd, 1919. 312 p. (In Russ.)
- Kapten, G. Yu. Problema sakralizatsii voyny v vizantiiskom bogoslovii i istoriografii. Saint Petersburg, 2020. 263 p. (In Russ.)
- Karpov, A. Yu. Vsevolod Bol’shoe Gnezdo. Moscow, 2019. 423 p. (In Russ.)
- Kontamin, F. Voina v Srednie veka. Saint Petersburg, 2001. 416 p. (In Russ.)
- Kudryashov, K. V. Polovetskaya step’: Ocherki istoricheskoi geografii. Moscow, 1948. 163 p. (In Russ.)
- Laushkin, A. V. “Prazdnichnye vykhody” na voynu v domongol’skoi Rusi. In *Drevnyaya Rus’. Voprosy medievistiki*. 2019. No. 1 (75). Pp. 53–57. DOI 10.25986/IRI.2019.75.1.0013 (In Russ.)
- Laushkin, A. V. Ustraivali li triumfy russkie knyaz’ya domongol’skogo vremeni? In *Rossiiskaya istoriya*. 2022. No. 3. Pp. 3–14. DOI 10.31857/S0869568722030013 (In Russ.)
- Laushkin, A. V. Tserkovnyi kalendar’ kak sredstvo zaboty o budushchem v domongol’skoi Rusi. In *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. 2023. No. 4. Pp. 12–16. DOI 10.52452/19931778_2023_4_12 (In Russ.)
- Musin, A. E. Milites Christi Drevnei Rusi: Voinskaya kul’tura russkogo Srednevekov’ya v kontekste religiozno mentaliteta. Saint Petersburg, 2005. 368 p. (In Russ.)
- Semishon, E. O proiskhozhdenii Bozh’ego mira i ego znachenie. In *Istoriya Srednikh vekov: Ot Karla Velikogo do Krestovykh pokhodov (768–1096 gg.)*. Saint Petersburg; Moscow, 2001. Pp. 669–673. (In Russ.)
- Timberlake, A. Who Wrote the Laurentian Chronicle (1177–1203)? In *Zeitschrift für slavische Philologie*. 2000. Bd. 59. S. 237–265.
- Yurasov, M. K. Pokhody voiska Gezy II na Rus’ v 1148–1152 gg. In *Srednevekovaya Rus’*. Moscow, 2014. Iss. 11. Pp. 13–104. (In Russ.)
- Zaborov, M. A. Primechaniya. In *Villarduen, Zh. Zavoevanie Konstantinopolya*. Moscow, 1993. Pp. 218–287. (In Russ.)

Aleksei V. Laushkin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

SUNDAY IN THE MILITARY PRACTICES OF RUSSIAN PRINCES OF PRE-MONGOL TIMES

The emergence of the idea of “Treuga Dei” in Latin Europe in the 11th century and the existence of ideas about periods of time unsuitable for war in Byzantium make us take a closer look at similar aspects of the military practices of early Christian Rus. The article examines one aspect of the topic: the attitude of warring Russian princes to Sunday. Contrary to the opinion expressed in historiography, the author comes to the conclusion that although any war-related activity was not prohibited on Sundays, the princes nevertheless sought not to schedule battles or storm cities on this day. According to the author, this demonstrates the influence of Christianity on the military culture of the Rurikovichs.

Keywords: pre-Mongol Rus, military culture, calendar practices, Orthodox Church calendar